

Содержание

От переводчика	7
Хронология событий	II
Часть I. Монах, рыцарь, епископ и банкир	15
Глава 1. Как было найдено мертвое тело	35
Глава 2. Второй крестовый поход	85
Глава 3. Суд	119
Глава 4. Как создавали святого	157
Часть II. Граф английский, граф французский, аббат и король	205
Глава 5. Глостер	210
Глава 6. Блуа	239
Глава 7. Бери-сент-Эдмундс	299
Глава 8. Париж	329
Заключение	367
Благодарности	372
Приложения	374
Список иллюстраций	380
Библиография	381
Указатель	415

Часть I

Монах, рыцарь, епископ и банкир

До сих пор точно не установлено происхождение кровавого навета, то есть обвинения евреев в ритуальном убийстве христианских детей ради использования их крови в медицинских или ритуальных целях, а также в поношение или из ненависти к Христу¹. Такие обвинения возникают в Европе в Средние века, в эпоху Возрождения и в Новое время; они появляются в Англии, Франции, Испании, Италии, Германии, Польше, Венгрии, Греции и России, в некоторых общинах в США, а также в исламских странах. Тем не менее кровавый навет стал по сути своей «средневековым» обвинением, вобравшим в себя, как представляется многим, все самое темное, что только было в Средних веках.

По большинству обвинений не проводилось официального расследования, и только в нескольких случаях состоялся суд, где были представлены некие улики (обычно полученные под пытками). Подобные утверждения постоянно опровергались церковью, а также христианскими императорами, королями и турецким султаном, не говоря уже о самих евреях и многих крещеных евреях². Было хорошо известно, что еврейское право запрещает употребление крови.

1. О терминах «кровавый навет» и «ритуальное убийство» см. в приложении «О терминологии».
2. Среди известных личностей, опровергавших подобные утверждения, были император Фридрих II, папа Иннокентий IV в своей энциклике *Lachrymabilem Judaeorum Alemanniae* 1247 года и (будущий) папа Климент IV в 1758 году. Об этом см.: *Roth C. The Ritual Murder Libel and the Jew: The Report by Cardinal Lorenzo Ganganelli (Pope Clement XIV). London: The Woburn Press, 1935.* В XVI веке Сулейман Великолепный издал фирман, опровергающий кровавый навет.

Все обвинения рассыпались, когда историки начали тщательно их изучать. Все предполагаемые жертвы исчезли из католических святцев¹. Но представления о кровавом навете дожили до сегодняшнего дня. Самый ранний известный нам случай обвинения в ритуальном убийстве произошел в Англии в середине XII века. В 1150 году Томас Монмутский, бенедиктинский монах из монастыря при кафедральном соборе в Норвиче в Восточной Англии, начал собирать заметки для повествования, которое он завершил более двадцати лет спустя. Это «Житие и страсти святого Уильяма Норвичского». Текст Томаса дошел до нас в единственной рукописи XII века, которая ныне хранится в библиотеке Кембриджского университета². Томас Монмутский сообщал, что несколькими годами ранее, еще до того, как он прибыл в Норвич, юному подмастерью кожевника по имени Уильям якобы обещали работу у архидьякона. Вместо этого его отвели в дом некоего известного в Норвиче еврея, где он и пробыл несколько дней. Затем по указанию этого еврея, одного из ведущих норвичских банкиров, Уильяма тайно держали в плену,

1. Самые известные, святые Симон Трентский и Вернер Обервезельский, были исключены из римско-католических святцев в 1965 году в ходе литургических реформ после II Ватиканского собора. Культ Андреаса (Андерля) Риннского был прерван епископом в 1984 году и запрещен в 1994-м. Во многих соборах, где когда-то были гробницы мальчиков-мучеников, теперь думают о том, как помянуть предполагаемых жертв ритуального убийства. В некоторых убрали все упоминания о них из путеводителей и из самих зданий; другие разместили молитвы за жертв предубеждения или за невинных мучеников.
2. *Thomas Monumetensis. Liber de Vita et Passione Sancti Willelmi Martyris Norwicensis.* Cambridge University Library, Add. Ms. 3037. Впервые переведено на английский язык и издано Огастесом Джессопом и М.Р. Джеймсом: *Jessopp A., James M.R. The Life and Miracles of St. William of Norwich by Thomas of Monmouth.* Cambridge: Cambridge University Press, 1896. Далее труд Томаса цитируется как: *Vita*; редакторские комментарии Джессопа и Джеймса как: *Jessopp, James. Life and Miracles.* Мири Рубин выполнила новый английский перевод и разместила новую транскрипцию латинской рукописи в Интернете: <http://yvc.history.qmul.ac.uk/passio.html>. Цитаты и ссылки на соответствующие страницы даются по: *Thomas of Monmouth. The Life and Passion of William of Norwich / Ed. and trans. M. Rubin.* London: Penguin Books, 2014, если не указано иное. Редакторские замечания Рубин цитируются как: *Rubin. Life and Passion.*

подвергли «всем мучениям Христовым» и убили. Как пишет Томас, увенчав Уильяма терновым венцом, евреи обмотали ему голову веревкой с завязанными на ней узлами и засунули ему в рот кляп; затем они унесли изувеченное тело юноши в лес и повесили¹. В конце концов его тело нашли под деревом за городскими стенами.

Томас Монмутский утверждает, что евреи провели этот предполагаемый ритуал в насмешку над Распятием и христианством и что поэтому Уильяма следует почитать как святого. Повествование Томаса состоит из двух книг, где он подробно описывает житие и страсти Уильяма, и еще пяти, где описываются чудеса, которые святой якобы совершил после смерти. Автор «Жития» заявлял, что Уильям достоин почитания, и представлял его важным покровителем Норвичского собора. Тем не менее в современный ему период слава Уильяма оказалась эфемерной и быстро увяла даже в Норвиче (хотя в позднем Средневековье интерес к юному подмастерью на короткое время внезапно вспыхнул вновь), но история эта и мысль о том, что евреи совершают ритуальные убийства, в общих чертах твердо укоренились в европейском воображении².

В данной книге заново рассматриваются обстоятельства смерти Уильяма и интерпретация этой смерти в сочинении Томаса; основной предмет моего внимания — автор и главные герои его повествования. Обычно это обвинение в ритуальном убийстве изучается в длинном ряду обобщений, связанных с многовековой историей христианско-еврейских отношений; моя же цель состоит в том, чтобы рассмотреть его в конкретном историческом контексте событий, происходивших в провинциальном англо-норманнском городе эпохи Высокого Средневековья. Я также уделяю особое

1. Томас пишет, что евреи вначале пытали Уильяма и сунули ему в рот деревянную ворсовальную шишку (колючий инструмент, которым ворсовали шерстяную ткань), а затем повесили его на дереве на льняной веревке (*Vita*. I, vii, 21), но тело подмастерья нашли у корней дуба (*Vita*. I, x, 24), с обритой и пронзенной головой.
2. О позднесредневековом возрождении культа Уильяма, которое здесь не затрагивается, см.: *Shinners* J. *The Veneration of Saints at Norwich Cathedral in the Fourteenth Century* // *Norfolk Archeology*. Vol. 40. P. 133–144.

внимание еще одному эпизоду, описанному в «Житии и страстях святого Уильяма Норвичского», а именно суду по обвинению в другом убийстве, совершенном в 1150 году. На этом суде снова заговорили о смерти Уильяма. Жертвой второго убийства был еврейский банкир, а обвиняемым — рыцарь Симон де Новер, не имевший возможности уплатить свои долги. Уильям Тарб, епископ, которому служил рыцарь, выступил в его защиту перед королевским судом в Лондоне, настаивая, что убитого банкира и всю еврейскую общину следует обвинить в насильственной смерти юного Уильяма. Именно после этого суда Томас Монмутский создал свое повествование.

Совершенно справедливо утверждают, что «Житие и страсти» Томаса — скорее трактат о мученичестве, чем юридический документ: яркий, эмоциональный призыв, а не представление улик на суде¹. Монах признает, что рассказывает о суде так, как он его себе вообразил, и нет никаких сомнений, что с точки зрения наших представлений об объективных исторических свидетельствах текст Томаса весьма проблематичен². Но все же, несмотря на то, что рассказ Томаса Монмутского о суде являет собой *tour de force* по части риторики, не следует считать его просто вымыслом. Сколь бы Томас ни манипулировал своим материалом, он вряд ли мог выдумать присутствие на процессе короля Стефана; более того, многие из участников судебного процесса были еще живы много лет спустя, когда агиограф завершил свой труд³. Изложение событий у Томаса подверглось риторической и художественной обработке, потому что оно должно было соответствовать существующим канонам написания житий святых

1. *Bale A. Feeling Persecuted: Christians, Jews and Images of Violence in the Middle Ages. London: Reaktion, 2009. 50ff.*
2. Рубин подчеркивает, что трудно давать любое историческое прочтение труда Томаса, поскольку он является практически единственным источником сведений о событиях, о которых повествует. См.: *Rubin. Life and Passion. P. XVII.*
3. Это составляет резкий контраст с протагонистами предполагаемого мученичества, в силу удачного стечения обстоятельств уже по большей части скончавшимися к тому времени, как Томас Монмутский начал свою работу.

и — особенно в части описания суда — еврейско-христианским диспутам¹. Но содержание «Жития» пересекается с историей как таковой по крайней мере в двух важных аспектах: во-первых, его автор пишет об исторических фигурах и событиях, местных деталях и хронологии, сообщая мельчайшие подробности, словно он сверялся с альманахом²; и, во-вторых, автор надеется на то, что, когда его труд начнут переписывать и распространять, эта работа обретет для позднейших читателей статус авторитетного повествования о произошедших событиях³. Какова бы ни была природа «Жития» как литературного документа, оно содержит описание самого раннего известного обвинения в ритуальном убийстве, а потому *de facto* является источником кровавого навета. Анализ ключевых элементов и черт нарратива Томаса в контексте других типов исторических свидетельств дает нам возможность проникнуть в события, о которых он пишет, а также понять, как сложилось и обрело свою форму обвинение в ритуальном убийстве ребенка.

Эти события произошли в эпоху Высокого Средневековья, в период стремительных социально-политических и экономических преобразований. Так называемый ренессанс XII века характеризовался быстрым ростом населения; расширялась торговля; продолжались крестовые походы; возродились греческая наука и римское право; развивалась чиновничья система европейских

1. Алекс Новикофф прослеживает растущую перформативность еврейско-христианских диспутов того периода. См.: *Novikoff A. J. The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013.*
2. *Rubin. Life and Passion.* P. XX. Альманахами изначально именовались записи астрономических событий, рыночных дней, праздников, к которым позднее прибавились медицинские советы и т. д. — *Прим. перев.*
3. Любопытно сравнить этот текст с произведением Гальфрида Фонтитба, созданным в те же годы. Очевидно вымышленные факты у Гальфрида уже стали фиксированными элементами агнографической традиции жития св. Эдмунда. Об этом см.: *Hayward P. Geoffrey of Wells' Liber de infantia sancti Edmundi and the «Anarchy» of King Stephen's Reign // Bale A. (Ed.) St. Edmund, King and Martyr: Changing Images of a Medieval Saint. York: York Medieval Press, 2009. P. 75.*

государств¹. Создание школ и университетов, быстрая урбанизация, усовершенствования в методах ведения сельского хозяйства привели к интеллектуальному подъему, о котором свидетельствуют достижения в архитектуре (кульминация романского стиля и зарождение готики), расцвет поэзии, куртуазных романов и исторических трудов, философских дебатов, а также развитие идеалов рыцарства. Расширение популярности паломничеств и поклонения мощам святых предвосхитило живой интерес к почитанию Девы Марии и к сосредоточению на теологии евхаристии, которая будет окончательно сформулирована в следующем столетии. Все шире распространялись аффективная набожность и религиозный экстаз. Ничто не предвещало демографических кризисов, которые грянули во время «катастрофического» XIV века и Черной смерти (1348–1350). Но в то же самое время этот культурный расцвет XII века сопровождался кризисом сеньориальной системы, новыми попытками направить насилие в приемлемое русло и все возрастающими усилиями идентифицировать, маргинализировать и покарать тех, кто обитал на периферии христианского общества².

Убийство Уильяма Норвичского произошло почти через сто лет после Нормандского завоевания (1066 год), когда Англией стали править норманнские короли, также имевшие большие владения на французской территории. Для Норвича это событие приобрело драматические последствия: многие дома в центре старого города были разрушены, строились новые французские районы. К XII веку франкофонная англо-норманнская элита продолжала

1. О насыщенной жизни эпохи см. в: *Haskins C.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927. См. также: *Benson R.L., Constable G., Lanham C.D.* (Eds.) Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
2. Из недавних работ см.: *Bisson T.N.* The Crisis of The Twelfth Century: Power, Lordship, and the Origins of European Government. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009; *Moore R.I.* The Formation of a Persecuting Society; Authority and Deviance in Western Europe, 950–1250. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007.

править страной, но уже заключались смешанные браки, норманны приспособились к англоговорящему англосаксонскому большинству и создали новую динамичную социально-политическую культуру¹.

Хотя в истории смерти Уильяма есть сильный английский (то есть англосаксонский) элемент, в ней практически отсутствуют указания на то, что конфликт между норманнскими завоевателями и местными англосаксами все еще продолжался. В Норвиче середины XII века непосредственные заботы, связанные с гражданской войной и Вторым крестовым походом, были много важнее Нормандского завоевания, связанного с далеким прошлым. После того как младший сын Вильгельма Завоевателя Генрих I умер в 1135 году, его дочь Матильда, жена графа Анжуйского, и племянник Стефан Блуаский, граф Булонский, соперничали за власть. Это привело к длительной гражданской войне и безвластию; политическая ситуация окончательно разрешилась лишь тогда, когда после смерти короля Стефана в 1154 году на престол взошел сын Матильды Генрих II, первый Плантагенет. Именно в этот бурный, полный насилия период и был убит юный Уильям. Второй крестовый поход (1147–1149) внес свою лепту в общее смятение, возбуждая всеобщие ожидания, пожирая средства своих участников и увеличивая неопределенность политической власти. После гражданской войны нелегко было перестраивать инфраструктуру и восстанавливать гражданское общество в Восточной

1. Дж. Дж. Коэн утверждает, что какое-то время кровавым наветам уделялось меньше внимания в связи с кризисом XII века в Норвиче, поскольку основное внимание сместилось на «непреодолимую» пропасть, разделяющую англо-норманнов и англосаксов. См.: *Cohen J. J. The Flow of Blood in Medieval Norwich // Speculum. 2004. Vol. 79. P. 26–65, особ. P. 49 и 56; Cohen J. J. Hybridity, Identity and Monstrosity in Medieval Britain: On Difficult Middles. New York: Palgrave MacMillan, 2006. P. 139–174. Ярроу также подчеркивает, что в культе св. Уильяма «отразились и использовались страхи купеческого истеблишмента Норвича». См.: *Yarrow S. Saints and Their Communities. Miracle Stories in Twelfth-Century England. Oxford, Clarendon Press, 2006. P. 167. Лэнгмуир пишет о многих современных авторах, которые исходят из виновности евреев в смерти Уильяма. См.: Langmuir G. Toward a Definition of Antisemitism. Berkeley: University of California Press, 1990.**

Англии, особенно потому, что столько внимания, энтузиазма и ресурсов было направлено на Святую землю и предвосхищаемые победы — как духовные, так и земные.

Норвич, где произошло убийство, являлся вторым во величине городом в средневековой Англии. Расположенный в нескольких днях езды на северо-восток от Лондона, процветающий норманнский город, выстроенный на древнем фундаменте, Норвич был правительственным, церковным и экономическим центром восточной Англии (Восточной Англии)¹; поэтому там располагались процветающий рынок, мощный укрепленный замок и великолепный собор, одно из величайших произведений романской архитектуры того времени. Река Уэнсум, протекающая через город, и река Яр, текущая к порту Большой Ярмут, обеспечивали Норвичу удобный доступ к центральным графствам, откуда в город шли шерсть и скот, и к морю, что давало возможность вести международную торговлю. Растущий город был хорошо обеспечен рыбой для пропитания и торфом для отопления в холодное время.

Евреи впервые прибыли в Англию вместе с норманнами, но к XII веку они только-только начали селиться за пределами Лондона. Упоминание норвичских евреев у Томаса Монмутского — также первое документальное свидетельство существования там еврейской общины. Мало что известно о еврейских общинах начала XII века: большая часть информации о них выводится из налогового списка (*donum*) 1159 года, который позволяет нам примерно оценить сравнительные размеры и благосостояние разных общин, существовавших к этому времени. В начале XIII века в Норвиче с населением где-то в пять тысяч человек численность еврейской общины составляла

1. На русском языке практически неразличимы термины «Восточная Англия» (*East Anglia*) и «восточная Англия» (*Eastern England*). Первый означает территорию, которую ранее занимало одноименное англосаксонское государство; ныне в Восточную Англию обычно включают Суффолк, Норфолк и Кембриджшир, а также город Питерборо; второй термин означает восток Англии как части Великобритании. Единственный способ их различить — писать Восточная с большой буквы в первом случае. — *Прим. перев.*

примерно двести человек¹. Ее быстрый рост говорит о том, что Норвич был одним из тех мест, где предпочитали поселиться прибывшие из-за границы евреи. В этом процветающем городе проживало много норманнов, там имелся порт, Норвич установил тесные культурные связи с континентальной Европой; во время гражданской войны он оставался одним из оплотов короля Стефана. Демографические и финансовые данные подтверждают привлекательность города. К 1159 году по сумме налогов, выплачиваемых евреями королю, Норвич уступал только Лондону, хотя они жили в Норвиче менее одного поколения². Для евреев Норвич также был бастионом науки, интеллектуального меценатства и международной торговли³. Ближе к концу столетия он стал для них и своего рода убежищем, потому что другие английские города, например Тетфорд в Норфолке и Бангей в Суффолке, в то время уже были далеко не столь гостеприимны.

Евреи в Англии занимались разными видами деятельности; главным образом они давали деньги в долг, что являлось, однако, для них далеко не единственным занятием. Они также вели торговлю и практиковали всяческие ремесла — особенно славились врачевным искусством; в Европе того времени (следовательно, по всей вероятности, и в Англии) евреи были известны умением работать с драгоценными металлами, они занимались ювелирным делом, владели монетными дворами и чеканили монету. В 1140-х годах они, по всей видимости, были тесно связаны с обменом иностранных денег. Хотя в «Житии и страстях»

1. *Rutledge E. The Medieval Jews of Norwich and their Legacy // Heslop T.A. (Ed.) Art, Faith and Place in East Anglia from Prehistory to the Present. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2012. P. 117–129. Классическая работа — Lipman V.D. The Jews of Medieval Norwich. London: The Jewish Historical Society of England, 1967.*
2. *Ibid. P. 4; на основе расчетов, заимствованных из: Richardson H.G. The English Jewry under Angevin Kings. London: Methuen and Co., 1960.*
3. *См., например, рукопись XIII века, где упоминаются арабские ссуды: Beit-Arié M. The Makings of the Medieval Hebrew Book: Studies in Paleography and Codicology. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1993. В грамотах на иврите часто используется термин «*ha-nadib*» (меценат). См.: Lipman V.D. The Jews of Medieval Norwich. P. 150.*

Томаса Монмутского постоянно встречаются намеки на трудности, с которыми евреи сталкивались, вписываясь в жизнь христианской Англии, на самом деле XII век оказался для евреев достаточно мирным временем — вплоть до бунтов, которыми сопровождалась коронация Ричарда I в 1189 году, и до изгнания их из страны столетием позже (1290 год). В Англии не было вспышек насилия, — таких, как, например, массовые убийства евреев в прирейнских землях во время Первого крестового похода (1096 год). Поэтому оформление Томасом Монмутским обвинения в ритуальном убийстве воспринимается как поворотный момент в истории евреев в средневековой Англии.

Эта книга — о людях, живших обычной жизнью средневекового города, а не о великих или могущественных особах, таких как короли и графы, папы и архиепископы, ученые и канцлеры, королевы и куртизанки. Я также не затрагиваю жизнь деревенских жителей, необразованных поселян, брошенных жен, невежественных пахарей или еретически настроенных, но не имеющих возможности высказаться крестьян. Основные персонажи нашей книги получили какое-то образование, обладали некоторым влиянием и придерживались традиционных религиозных воззрений. Они имели достаточный вес в обществе — до нас дошли их имена, они владели землями, делали вклады в монастыри, сражались в битвах, приносили публичные клятвы, распоряжались собственностью, свидетельствовали и подписывали документы, появлялись в суде, платили за лечение, читали книги, путешествовали за границу, заботились о своих детях и давали им образование, их помнили члены их семей, друзья и коллеги. Они представляются вполне типичными представителями своих социальных групп.

Никто из этих мужчин и женщин не кажется невероятным глупцом, простофилей или чудовищным злодеем. И все же, когда судебный процесс над рыцарем-убийцей свел их вместе, на свет родился один из самых гнусных нарративов в истории Средневековья и раннего Нового времени. Обвинение евреев в том, что они убивали детей,

чтобы воспользоваться их кровью, ждала долгая и тлетворная жизнь, и оно оставило свой отпечаток как на народном воображении, так и на взглядах элиты.

За те века, что прошли с момента возникновения кровавого навета — начиная с повествования Томаса Монмутского, — он стал причиной пыток, смертей и изгнания тысяч евреев по всей Европе вплоть до истребления целых общин; из-за него множество евреев было выслано, казнено, сожжено на кострах или умерло в тюрьме. Обвинения в ритуальном убийстве — а временами даже просто слухи о нем — вызывали беспорядки в каждом столетии вплоть до двадцатого, восемь веков спустя после смерти Уильяма Норвичского. Даже в тех случаях, когда евреев судили по обвинению в смерти ребенка и оправдывали, подобные обвинения сами по себе закладывали основания для их огульного осуждения и изгнания.

Теперь, когда якобы совершаемые евреями ритуальные убийства более не считаются исторической правдой, по понятным причинам важность, которую эти обвинения имели в прошлом, преуменьшается или отрицается вообще. И христиане, и евреи, будучи не в состоянии прийти к консенсусу по поводу происхождения кровавого навета или объяснить его живучесть, склонны не задумываться о трагических последствиях и длительной вражде, которые он породил. Большинство предпочитает положительные примеры межрелигиозного диалога, культурных заимствований и мирного сосуществования (*convivencia*), а не проявления крайней и непостижимой враждебности. Поэтому ритуальное убийство и кровавый навет воспринимаются как часть давнего средневекового прошлого. Но все же эта ложная идея остается столь эмоционально болезненной и столь глубоко укорененной в культурной памяти, что даже сегодня она представляет собой визуальное и вербальное мерло исторической злобы¹.

1. См., например, волну возмущения, поднявшуюся после того, как в 2011 году бывший кандидат в вице-президенты Сара Пэйлин употребила термин «кровавый навет»; недавние споры о визуализации мотивов кровавого навета в Великобритании, Венгрии и Израиле;